

А.В. Гриненко

Задержание и заключение под стражу должны быть не только законными и обоснованными, но и мотивированными

Задержание и заключение под стражу согласно УПК РФ представляют собой наиболее суровые меры процессуального принуждения, существенно ограничивающие конституционные права подозреваемых и обвиняемых. Поэтому интерес научных и практических работников к весьма дискуссионным положениям закона не случаен. Сразу же после принятия нового уголовно-процессуального законодательства появилось большое количество монографий, статей и иных публикаций, в которых авторы предлагают свое видение тех либо иных вопросов, связанных с различными аспектами деятельности органов и должностных лиц уголовного судопроизводства, особенно - при задержании и избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Поэтому вполне понятно, что подготовленная нами статья "Обоснованность задержания и заключения под стражу по УПК РФ" ("Журнал российского права" № 9, 2003 г.) вызвала резонанс в научных кругах. Отметим взвешенность большинства суждений, которые были высказаны научными и практическими работниками относительно содержания статьи. Вместе с тем встречаются и публикации, в которых в качестве основного "приема" заочной дискуссии используются не столько аргументы, сколько вольное толкование текста оригинала.

Практически полностью посвящена исследованию опубликованной нами статьи статья кандидата юридических наук, доцента В.И. Руднева "Задержание и заключение под стражу должны быть не только обоснованными, но и законными" ("Журнал российского права" № 9, 2004 г.). Позволим себе остановиться на анализе ряда замечаний уважаемого автора.

Так, В.И. Руднев уже в названии своей статьи, по сути, противопоставил друг другу два самостоятельных, но тесно взаимосвязанных требования, которые согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ предъявляются к любым процессуальным решениям, - их законность и обоснованность. Вместе с тем опубликованная нами статья посвящена конкретной проблематике - именно обоснованности задержания и заключения под стражу, что вовсе не отрицает необходимости соблюдения требований законности. Общеизвестно, что предмет исследования определяет сам исследователь¹, и при наличии соответствия между названием статьи и ее содержанием (чего не отрицает и сам В.И. Руднев) критика выглядит не вполне корректной. Более того, уважаемый автор не обратил внимания, что в ч. 4 ст. 7 УПК РФ речь идет не только о законности и обоснованности, но и о мотивированности процессуальных решений, что нарушает и логику его критики. Поэтому искусственное создание противоречий между требованиями обоснованности и законности вряд ли пойдет на пользу уголовно-процессуальной науке.

Следующее положение, которое подверглось критике, состоит в том, что нами было предложено предусмотреть в УПК РФ отдельную статью "Задержание подозреваемого и обвиняемого для разрешения вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу". В нашей работе приводится аргументация относительно того, что существенно нарушаются права человека в случаях, когда задержание применяется лишь для разрешения судом вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Не выдвигая никаких контраргументов по существу этого тезиса, В.И. Руднев использует тот же

¹ Подробнее об этом см.: Гриненко А.В. Методология уголовно-процессуальной науки // Государство и право. 2003. № 9. С. 54-60.

"испытанный прием" - он делает вывод, согласно которому А.В. Гриненко якобы предлагает считать, что "задержание применяется в целях (выделено нами. - А.Г.) избрания меры пресечения только в виде заключения под стражу"² (этого в тексте нашей статьи нет). К сожалению, весьма сложно заново объяснять уважаемому В.И. Рудневу, в чем именно состоят цели применения мер процессуального принуждения, а также тот факт, что рассмотрение конкретной проблемы вовсе не означает нашего отказа от остальных положений УПК РФ, в частности, от ст. 91, где перечислены основания задержания.

Далее, В.И. Руднев не соглашается с нашей позицией относительно того, что дополнительное закрепление в УПК РФ оснований освобождения подозреваемого является излишним. Мы с уважением относимся к данному мнению, тем более что автор приводит столь "душещипательный" пример - лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, заболело и подлежит освобождению из изолятора временного содержания (ИВС). А если, например, это лицо совершило убийство с особой жестокостью? Представляется, что и тот и другой пример относятся к разряду казусов. Другое дело, что в отношении любого задержанного лица следует принимать меры, обеспечивающие его нормальное состояние. В части 3 ст. 10 УПК РФ по этому поводу прямо указано: "Лицо, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также лицо, которое задержано по подозрению в совершении преступления, должно содержаться в условиях, исключающих угрозу его жизни и здоровью".

Что же касается аргумента о "томящемся в тюрьме обвиняемом", то вопрос об освобождении из-под стражи лица, находящегося в заключении с превышением установленного срока, давно вышел из разряда дискуссионных, хотя на практике нарушения и встречаются. Положение ч. 2 ст. 94 УПК РФ полностью дублирует (но и сужает) содержание принципа неприкосновенности личности (ст. 10 Кодекса). Именно поэтому его закрепление в "усеченном" виде в статье, устанавливающей основания освобождения подозреваемого, вызывает ошибки со стороны некоторых правоприменителей.

Повторим: в отношении любого лица действует общепризнанная мировым сообществом презумпция свободы (*praesumptio libertatis*), в силу которой обычное состояние человека - нахождение вне мест задержания. Если исчезают конкретные основания для задержания лица, то оно подлежит немедленному освобождению, для чего не требуется дополнительных закрепленных в законе оснований и условий.

Следующий выдвинутый нами и опровергаемый В.И. Рудневым тезис - о том, что следователю весьма сложно сочетать фактическое задержание лица с необходимостью в течение трех часов и возбудить уголовное дело с получением согласия прокурора, и оформить протокол задержания подозреваемого. Действительно, мы согласны с уважаемым автором в том, что следователь далеко не всегда самостоятельно осуществляет фактическое задержание. Вместе с тем в нашей статье этого и не говорится. Вынуждены привести небольшую цитату из нее: "Следователи при осуществлении производства по УПК РФ столкнулись с еще одной достаточно сложной проблемой: как соотносить задержание лица на месте совершения преступления с необходимостью: (далее по тексту)"³. Как видим, в статье не идет речь о том, что фактическое задержание осуществляет следователь и никто иной. Поэтому дискуссию уважаемый автор, по сути, ведет "сам с собой". В развитие данного "спора наедине" заметим, что процедура, в рамках которой фактическое задержание на месте совершения преступления осуществляют должностные лица органа дознания, а вопрос о возбуждении уголовного дела разрешает следователь, не снимает проблемы, как утверждает В.И. Руднев, а еще более усугубляет ее. Ведь для того, чтобы осмотреть место происшествия, следователю необходимо,

² Руднев В.И. Задержание и заключение под стражу должны быть не только обоснованными, но и законными // Журнал российского права. 2004. N 9. С. 87.

³ Гриненко А.В. Обоснованность задержания и заключения под стражу по УПК РФ // Журнал российского права. 2003. N 9. С. 49.

как минимум, на место прибыть, а это - дополнительные затраты времени. Кроме того, непонятно, как, со слов автора, может происходить то, что уголовно-процессуальное задержание с составлением документов осуществляли бы сотрудники органа дознания (до возбуждения уголовного дела!), а следователь в это же самое время осматривал место происшествия и согласовывал с прокурором вопрос о возбуждении уголовного дела. Уголовно-процессуальное задержание до возбуждения уголовного дела - грубейшее нарушение закона.

Также вызывают некоторое смущение слова В.И. Руднева о том, что "следователь также вправе дать отдельное поручение органу дознания"⁴. Действительно, согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ следователь уполномочен давать органу дознания в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения, в том числе об исполнении постановлений о задержании лица. Однако для того, чтобы это постановление было следователем составлено, опять-таки требуется, чтобы уголовное дело уже было возбуждено.

И, наконец, о поднятой в статье чрезвычайно сложной проблеме определения места и роли прокурора при принятии судом решения о заключении подозреваемого (обвиняемого) под стражу. В нашей работе подчеркивается, что для прокурора в рамках существующей процедуры следует прописать большее количество надзорных обязанностей (так в тексте статьи. - А.Г.), а не "полномочий", как интерпретирует эти слова В.И. Руднев. Представляется, что обязанность допрашивать лиц перед дачей согласия на ходатайство следователя об их заключении под стражу прокурор должен исполнять в рамках надзора за соблюдением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие (ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. N 2202-1 в ред. Федерального закона от 22 августа 2004 г. N 122-ФЗ "О прокуратуре Российской Федерации"⁵).

Уважаемый автор "уходит" от проблемы и предлагает вовсе исключить прокурора из числа должностных лиц, участвующих в разрешении вопроса о заключении лица под стражу. Вместе с тем прокурор, будучи представителем стороны обвинения от имени государства, должен и иметь полномочия, и нести ответственность за применение в отношении лица мер процессуального принуждения, особенно в виде заключения под стражу.

В заключение хотелось бы отметить, что только обоснованные суждения, доброжелательный обмен мнениями позволяют разрешать действительно насущные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства.

⁴ Руднев В.И. Указ. соч. С. 89.

⁵ См.: СЗ РФ. 1995. N 47. Ст. 4472.